

УДК 316.62

Особенности враждебных коммуникаций и моббинг-конфликты среди подростков в улично-школьном пространстве (по материалам полевого исследования)

Features of hostile communications and mobbing conflicts among teenagers in the street-school space (based on the materials of a field study)

Иванов А.В., Казанский (Приволжский) федеральный университет, Berserk2004@yandex.ru
Чумаков Д.В., ФГБНУ «Институт педагогики, психологии и социальных проблем», dimdukat@mail.ru

Ivanov A., Kazan (Volga state) Federal University, Berserk2004@yandex.ru
Chumakov D., Institute of Pedagogy, Psychology and Social Problems, dimdukat@mail.ru

DOI: 10.51379/KPJ.2023.160.3.031

Ключевые слова: моббинг, буллинг, виктимное поведение, «жертва», «агрессор», «наблюдатель».

Keywords: mobbing, bullying, victim behavior, «victim», «aggressor», «observer».

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена тем, что проблема психологической травли и физического насилия в подростково-молодежной среде в последние годы носит массовый характер. Это определяет необходимость выявления особенностей коммуникаций участников данного конфликта при моббинг-сценариях. Целью проведенного исследования является рассмотрение взаимодействий и коммуникаций «агрессора» и «жертвы» при моббинг (буллинг) атаках.

Авторами рассмотрена типовая ситуация конфликта при моббинге, которая может спровоцировать у «жертвы» ощущение социальной беспомощности и незащищенности посредством негативного воздействия на его «публичный» социальный статус со стороны «агрессора», а также психологического или физического насилия, дискредитации его по месту учебы, в семье, в уличном пространстве. Все это приводит «жертву» к социальной изоляции, тождественной состоянию социальной смерти. Проведенный анализ позволяет отметить, что подростки, ставшие жертвами психологической и физической травли, обычно скрывают произошедшее, не желая обращаться за помощью к взрослым. Раскрыта сущность моббинг-конфликтов, которая носит для виктимного подростка характер двойного насилия, обычно со стороны «уличных» «агрессоров», которых он может и не знать (вымогательство денег, издевательства), а также внутригрупповые враждебные коммуникации в классе (учебной группе) школы, колледжа или техникума. Предложена система профилактических мероприятий по снижению уровня враждебных коммуникаций в школьном пространстве и алгоритм действий относительно подростка – «агрессора» для обеспечения безопасности лиц, подвергшихся насилию.

Статья предназначена для учителей средней школы, преподавателей колледжей и техникумов, которые сталкиваются с моббинг-конфликтами в своих учебных заведениях, а также специалистам в области педагогики, психологии и конфликтологии, занимающихся данной проблематикой.

Abstract. The relevance of the article is due to the fact that the problem of psychological harassment and physical violence in the adolescent and youth environment in recent years has acquired the character of "normality", achieved a mass character and the researcher is interested in the features of communication of participants in this conflict in mobbing scenarios.

The purpose of the study is to enlarge the interactions and communications of the "aggressor" and "victim" during mobbing (bullying) attacks.

The authors formulated and demonstrated a typical situation of conflict in mobbing, which can provoke a sense of social helplessness and insecurity in the "victim" through a negative impact on his "public" social status from the "aggressor", as well as psychological or physical violence, discrediting him at the place of study, in the family, in the street space. All this mentioned above leads the "victim" to social isolation, identical to the state of social death.

The analysis allows us to note that teenagers, victims of psychological and physical harassment usually hide what happened, not wanting to seek help from adults.

The essence of mobbing conflicts is revealed, which has the character of double violence for a victimized teenager, usually from "street" "aggressors" whom he may not know (extortion of money, bullying), as well as intra-group hostile communications in the classroom (study group) of a school, college or technical school.

A system of preventive measures to reduce the level of hostile communications in the school space and an algorithm of actions regarding the "aggressor" teenager to ensure the safety of persons who have been subjected to violence are proposed.

Введение. Феномен насилия – это сложный междисциплинарный объект для изучения, включающий социологический, психологический, криминологический, антропологический, конфликтологический и иные аспекты.

В теоретических и прикладных исследованиях насилия используются понятия «моббинга» и «буллинга», которые являются академически устоявшимися научными терминами [1]. Под буллингом понимается психологическая или физическая травля один на один, под моббингом – травля группой лиц одного индивида или нескольких. Для удобства в исследовании будем использовать термин «моббинг», как часто встречающееся явление, специально оговаривая отдельные ситуации буллинга в подростково-молодежной среде. При этом подросток (вне зависимости от пола) – может выступать и в качестве «жертвы», и в качестве «агрессора» по воле целого ряда внутренних и внешних факторов. В любом из двух указанных вариантов, важную роль в развитии ситуации играет группа, членом которой выступают и «жертва» и «агрессор». Именно групповая среда становится катализатором конфликтной ситуации.

Феномен моббинг-поведения встречается в различных социальных средах, однако подавляющее большинство случаев травли приходится на детско-подростковую и молодежную среду. Объектом данного исследования стали подростки и молодежь в возрасте от 14 до 20 лет из числа жителей Республики Татарстан, проживающих в городах Казань и Набережные Челны.

Предметом настоящего исследования является феномен моббинга и буллинга в его социально-психологическом и демографическом измерении.

Цель проведенного исследования – это комплексный анализ взаимодействий и коммуникаций «агрессора» и «жертвы» при моббинг (буллинг) атаках.

Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие научно-исследовательские задачи:

- составить типичный социально-психологический профиль «агрессора»;
- охарактеризовать базовый социально-психологический профиль «жертвы»;
- выявить особенности коммуникаций участников подростково-молодежного конфликта при моббинг (буллинг) сценариях.

Материалы и методы исследования. В 1969 году шведский исследователь П.П. Хайнеманн впервые ввел в психолого-педагогическую литературу термин «моббинг». Термин был заимствован из этологии, где он обозначал коллективную агрессию животных. Хайнеманн выделял «моббинг» лишь как один из подвидов агрессии и, прежде всего, пытался понять механизм издевательства в коммуникативных практиках людей [2]. В 1973 году норвежский психолог Д. Олвеус ввел понятие «буллинг», которое становится значимым в последующих исследованиях посвященных психологической и физической травле «один на один» [3].

В нашем исследовании мы определяем моббинг и буллинг как процесс, возникающий в ситуациях длительной эмоционально нестабильной враждебной коммуникации, которая вызывает состояние стресса и дистресса обычно у «жертвы» и влечет за собой тяжелые психологические и физические последствия для участников.

Методологической основой исследования является антропологический подход, представленный в работах Фромма, который характеризует деструктивное поведение человека через его социально обусловленное злокачественное проявление агрессии. Деструктивное поведение возникает лишь в том случае, если человек постоянно ощущает свою изолированность от других людей, свою ненужность [4].

Моббинг в детско-подростковой среде является сложносоставным феноменом, где причины его возникновения могут носить социальный, межличностный, конкурентный, психопатологический и иные основания.

Поэтому в исследовании авторы опирались на объективные законы развития личности на разных возрастных этапах, предложенные в работах Л.С. Выготского [5]. Концептуально

исследование базировалось также на научных изысканиях И.С.Кона [6], Кравцовой М.М. [7], Зиновьевой Н.О., Михайловой Н.Ф. [8], Ильина Е.П. [9], Гребенкина Е.В. [10].

Исследование проводилось с использованием качественных методов, в частности, таких как кейс-стади и глубинное интервью в 2021–2022 году. В рамках кейс-стади было исследована уникальная судьба трех семей, столкнувшихся с психологической или физической травлей своих детей. Также было проведено 20 глубинных интервью с участниками конфликтных моббинг-коммуникаций в городах Казань, Набережные Челны.

По половозрастному составу респонденты распределились на – 13 мужчин и 7 женщин в рамках возрастного диапазона от 14 до 20 лет. Из них пять респондентов «агрессоры» – это подростки-мальчики 14 – 16 лет, а остальные «жертвы» – 4 девушки и 8 молодых людей, трое оставшихся молодых людей выступали и в роли «агрессора» и в роли «жертв» на разных бытовых «сценах».

С использованием метода кейс-стади были опрошены родители и дети в трех городских семьях, где подростки сталкивались с моббингом в свой адрес.

В рамках Кейса №1 была рассмотрена реакция родителей на конфликтную ситуацию с одноклассниками в школе, имеющая место у девушки подростка (жен., 14 лет), а ранее у ее брата (муж., 19 лет). Во втором случае, это был рассказ в рамках интервьюирования событий трёх-четырёхлетней давности, но моббинг-конфликты респондент фиксировал с момента поступления в начальную школу. В первом случае, у девушки-подростка моббинг-конфликты на момент интервьюирования находились в стадии эскалации, то есть усиления.

Данный кейс продемонстрировал, что родители не имеют четких сценариев реагирования на межличностные конфликты своих детей в школе и на улице. Конфликтные ситуации с ровесниками и собственно жалобы и просьбы детей не всегда бывают услышаны.

Анализ Кейса № 2, показал ситуацию взаимоотношений внутри семьи, где старшее поколение – родители, тоже в школе подвергались психологической и физической травле. Они не смогли «передать» детям активные жизненные сценарии самозащиты от «агрессоров», но более детально понимают, с чем может столкнуться их ребенок в улично-школьном пространстве и стараются сами урегулировать все детско-подростковые конфликты.

Анализ Кейса №3 связан с ситуацией внутришкольного конфликта с подростком (муж., 14 лет, Казань) из неполной семьи, которого воспитывает мать (жен., 44 года) и бабушка (жен., 68 лет).

Мать подростка знает о ситуации в школе: «*В классе у него конфликты очень серьезные*». Сын находится в социальной изоляции, бывшие двое друзей прекратили с ним общаться. О деталях конфликта мать и бабушка тоже в курсе. С их стороны есть попытки выяснить ситуацию с администрацией школы, с родителями «агрессоров».

Практически все участники интервью указывали на сложности во взаимоотношениях с родителями, на имеющие место межпоколенческие конфликты. Половина указала, что нарушение коммуникаций с родителями связана с отсутствием эмоциональной теплоты, которая зачастую подменяется гиперопекой.

Результаты исследования. Особая опасность девиантного и делинквентного поведения в подростковом возрасте заключается в накоплении криминального опыта и формировании чувства «нормальности» в совершении данных деяний. Ситуация моббинга в подростково-молодежной среде, где конфликтные коммуникации являются повседневными, становится нормой.

Традиционно выделяются три основных участника моббинг-конфликтов: агрессор, жертва и наблюдатель.

В психологической и физической травле среди подростков прослеживается отчетливо две тенденции. Во-первых, большинство респондентов – «жертв» выделяют категорию «уличных», обучающихся вместе с ними в школе, техникуме, которые моббинг используют как технологию по вымогательству денег, причем они не гнушаются и глумлением над беспомощным ровесником для самоутверждения.

Во-вторых, это внутригрупповые моббинг-конфликты в классе, учебной группе колледжа или техникума, в студенческом коллективе. Важное значение здесь имеет чувство превосходства у «агрессора», его физическая сила, поддержка группы.

Среди факторов буллинга и моббинга часто выступают внешние физические особенности «жертвы», маркирующие ее (его) как отличного от стереотипной нормы. Причем, это может быть как простое отклонение от условной нормы (толстый, худой, высокий, низкий и т.д.), так и выраженные дефекты (косоглазие, заикание, глухота и пр.). К сожалению, подобная непохожесть приводит к упрощению негативной

консолидации группы по отношению к такому подростку.

Потенциальные «агрессоры» стараются соблюдать дистанцию с людьми, которые им не нравятся. Здесь у них присутствует некоторая амбивалентность в выборе тактики – напасть или проигнорировать «жертву».

Из интервью:

И.: Если человек вас раздражает, он слабый, можете ему показать свою позицию, что он неприятен. Каким образом?

Р.: Нет, зачем. Если он ко мне не подходит, вопросов никаких не имеет, то зачем я буду к нему лезть. Если он уже сам будет мне неприятен, будет подходить, я ему раз скажу «парень, ты мне неприятен, отойди, пожалуйста», потом если он будет уже второй раз подходить, говорить там что-то типа «ты чё?!», я скажу: «парень, лучше отойди от меня», и уже на третий я ударю. Правило есть такое: два раза предупреждаешь, на третий – бьешь. Так меня учил отец (муж., 16 лет, Казань).

Среди «агрессоров» и «жертв» моббинга есть отличия в нахождении друзей. В первом случае в приоритете оказываются друзья в офлайн-пространстве, во втором случае в онлайн-режиме.

Из интервью с «агрессором»:

И.: Есть ли у вас друзья офф-лайн/он-лайн? Каких больше и почему?

Р.: Он-лайн – это значит в интернете? Там одни черты могут быть. Дружбу со своими уличными. Нас пятеро, мы как семья. С ними конечно общаюсь и с ними ВК. Так удобнее. Но чтобы друзей искать в интернете, может он какой-нибудь зашкварный. А это пацаны мои братаны (муж., 16 лет, Наб. Челны).

«Агрессоры» часто указывают на высокую степень собственной комфортности нахождения в коллективе, обычно указывая, что не все могут быть довольны их действиями, что у них возможны враги и присутствие изгоев, которые их боятся.

Из интервью:

И.: На сколько комфортно вы себя чувствуете в обществе, коллективе по месту учебы? С чем связаны, по-вашему, эти ощущения?

Р.: Да все нормально, обиженные всегда будут на меня. Потому что, я правильный пацан, мои кенты путевые тоже, а не какие-то чмошники. Ну прессанули бывших моих одноклассов, которые в школе учатся, так за дело. Они позволяют смотреть на нас вызывающе. Так нельзя. Ну, по голове парочка получила. (муж., 16 лет, Наб. Челны).

Для «уличных» моббинг-агрессоров

понимание справедливости – это «уважение к уличным пацанам, защита родных, матери, чтобы никто их не обижал по беспределу» (муж., 16 лет, Наб. Челны).

Вопросы, связанные со значимостью и авторитетом человека, «кто кого боится», для мобберов являются главенствующими.

Из интервью:

Меня и мужики некоторые молодые со двора боятся... В технаре меня уважают. (муж., 16 лет, Наб. Челны).

В данном случае важное значение имеет ближайшие дружественные коммуникации, маскулинная поддержка, друзья: «Пацаны мои. Мы как пальцы на одной руке в кулак сжатые» (муж., 16 лет, Наб. Челны).

Для респондентов, которые оказались в роли «жертвы» понимание справедливости соотносится с гуманизмом и терпимостью друг к другу.

Из интервью:

Р.: в те года, когда меня травили с 5 – 7 класса я считаю, что ко мне относились несправедливо, и я бы хотел, чтобы такого больше никогда не повторялось, не только по отношению ко мне, но и вообще в целом (муж., 16 лет, Казань).

Свободное время «агрессоры» и «жертвы» проводят по-разному. Для первой категории характерно преимущественное уличное времяпровождение, а для второй категории безопасней чувствовать себя в домашних условиях и, как следствие, в виртуальном пространстве (компьютерные игры, соцсети, фильмы и прочее).

Из интервью:

И.: Как вы предпочитаете проводить свободное время, если вы не за компьютером?

Р. (агрессор): С пацанами, у нас место есть хорошее за трансформаторной будкой около школы, дома можем посидеть друг у друга, в кафе зайти, в тренажерке, в лесопосадке, если тепло, конечно (муж., 16 лет, Наб. Челны).

Если говорить о традиционных внутригрупповых моббинг-конфликтах в классе, учебной группе колледжа или техникума, то можно выделить следующие формы агрессивных реакций:

1. Физическая агрессия (нападение) – использование физической силы против другого лица.

2. Косвенная агрессия – действия, которые окольными путями направлены на другое лицо (сплетни, злобные шутки), взрывы ярости (крик, топание ногами, битье кулаками по столу, хлопание дверью и др.).

3. Вербальная агрессия – выражение негативных чувств как через форму (крик, ссора), так и через содержание словесных ответов (угрозы, ругань).

4. Склонность к раздражению – готовность к проявлению при малейшем возбуждении, вспыльчивости, грубости.

5. Негативизм – оппозиционная манера поведения, обычно направлена против авторитета или руководства. Может нарастать от пассивного сопротивления до активной борьбы против установившихся законов и обычаев.

Для подростка свойственны следующие характерные черты в поведении в этом периоде жизни – это эмоциональная неустойчивость, застенчивость, агрессивность, высокая конфликтность как в семье, так и в школе, максимализм, повышенная тревожность, стремление к самостоятельности, нежелание мириться с чрезмерной родительской заботой [11].

Однако следует отметить, что жертвой моббинга в школьном пространстве может быть и учитель, а также он может выступать и в роли моббера.

Из интервью:

В школьной среде у нас существует ряд форм насилия да как со стороны детей, так и со стороны взрослых. Со стороны детей я могу привести один из самых распространенных форм насилия – это травля, унижение, которое проявляется в разных местах, например, на территории школы, в помещении, на уроках, по дороге в школу, либо обратно со школы, и так далее. Также можно отнести сюда насилие и жестокое обращение к сверстникам, к взрослым, которое проявляется в отсутствии уважения к личности. Ну а со стороны взрослых, в данном случае я буду говорить о педагогах, скорее всего – это психологическое насилие. Сюда можно отнести крики, оскорбления, несправедливые обвинения, запугивания, ну и яркая демонстрация нелюбви к ученику. Вот такие вот формы (жен., 40 лет, эксперт, Казань).

Анализ глубинных интервью демонстрирует, что распространенным моббинг-сценарием является вначале игнорирование «жертвы» в учебном заведении, манипулирование с его вещами (сломать, выкинуть, спрятать), потом вербальная агрессия (оскорбления, угрозы, запугивание), а далее физическое насилие (тычки, пинки, оплеухи, побой). Возможно, при явном виктимном поведении все формы агрессии.

Из интервью:

Р. (жертва): С тем, что в какой-то промежуток времени я в классе была изгоем, со

мной практически никто не общался под влиянием других одноклассников. Так как они просто начали задирать меня, а те, под влиянием, так сказать, не хотели выделяться и поддерживали (жен., 17 лет, Казань).

Распространенной формой агрессии является в школе и колледже ситуация, когда прячут личные вещи – школьную сумку, обувь, марают одежду, плюют, кидают мусор в «жертву».

Из интервью:

... то портфель его спрячут перед уроком, он говорит, что 2 урока искал портфель, то обувь спрячут (жен., 44 года, Казань).

Вот, например, один одноклассник, не буду упоминать имя, стащил рюкзак, который я искал целых два урока. И все-таки мне вернули рюкзак (муж, 14 лет, Казань).

К наиболее распространенным средствам обесценивания, обесщивания, осквернения своих ровесников относится мараение (в прямом и переносном смысле). Школьные мобберы очень часто пользуются таким актом насилия. Мараение (салиромания) является средством архаического самоутверждения и пришло из глубокой древности. Салиромания (от лат. salire) – это грязнить, пачкать и мания, разновидность садизма, заключающаяся в стремлении пачкать партнёра грязью, калом, мочой, кровью и т.д.

Самой распространенной формой агрессии для мобберов являются вербальные угрозы, которые могут перерасти в побои. Наиболее известным и привычным для мобберов видом мараения является копролалия (грязноругательство). Мараение словами позволяет агрессору возвыситься над жертвой, обесценить его, а также родных и близких.

Из интервью:

Р.: Чаще всего я пытаюсь словами докопаться, если мне человек не нравится, вот по отношению к другому человеку проявил себя как-то некрасиво. Я стараюсь его задеть морально. Но если я вижу, что человек настроен на меня негативно, то я могу позволить себе ответить ему физически (муж., 16 лет, Казань).

Со стороны «жертвы» в случае побоев здесь возможны два сценария. Если подросток психологически сломлен, он не будет драться.

Из интервью:

Р.: Я обычно уклоняюсь от ударов, но не бью.

И.: А почему не бьешь?

Р.: Не знаю (муж., 14 лет, Казань).

Родительница данного подростка, таким образом, объясняет его нежелание себя защищать.

Из интервью:

Он боится, что ему сделают больно. Я предлагала ему, что давай мы куда-нибудь на

карате запишемся, на бокс еще что-то... Нет, он очень боялся этого. Вот очень боялся. «Мне сделают больно», «Я не пойду туда» (жен., 44 года, Казань).

С другой стороны, если подросток сохранил чувство достоинства и психологически готов, он примет вызов.

Из интервью:

Р.: Ну если будут обижать в плане драки, то конечно драться. Если будут обижать в плане морально, то мне будет в принципе по барабану. То есть я пропускаю это мимо ушей уже на данный момент (муж., 18 лет, Казань).

Можно констатировать появление в учебных заведениях «профессиональных мобберов», которые только ради самого процесса насилия готовы придумывать оправдания своим действиям.

Из интервью:

И.: Ты когда-нибудь бил человека просто так, без причины?

Р.: Без причины, нет, не бил.

И.: То есть всегда есть причина?

Р.: Да. Я могу найти ее сам.

Р.: Например, если человек ведёт себя неправильно по отношению к взрослому, или по отношению ко мне, или по отношению к моим друзьям. Я могу первый ударить. Вот так вот... Агрессия. Физическая. Не все люди могут понять с первого раза, с первых слов, порой приходится применять физическую силу (муж., 16 лет, Казань).

Как видим, в данной ситуации используется вид такой вид психической защиты как аутоидеализация – то есть оправдание собственного насилия. «Агрессор» бравирует своим бесстрастным отношением к жертвам, занимается смакованием своих деяний.

Самым опасным сценарием для подростка – «жертвы» в учебном заведении становится ситуация, когда к психологической или физической травле подключается взрослый человек (учитель, командир-наставник, чужой родитель). Такая ситуация отягощается, если учебным заведением является школа-интернат, кадетское училище, где подросток изолирован на длительное время от близких людей, или он является сиротой.

Из интервью:

Р.: Все началось с 5-го класса, к нам пришел новый командир, который ранее не был в кадетском корпусе. Я не знаю чем, но я ему изначально не понравился. И он начал настраивать против меня других ребят, которые меня постоянно унижали на протяжении нескольких лет. Все это длилось до

7-го класса. Это выражалось и в драках. Я и дрался, и как бы ну много неприятно со мной случалось. И в 7 классе к нам пришел новый командир, еще один, который тоже начал обращать на меня внимание. То есть он видел, как тот командир меня унижает, как он кричит на меня, однажды на построении, когда командир в очередной раз накричал на меня, ни с того ни с сего, другой командир увидел, что я в слезах и спросил, что случилось. Я ему рассказал всю ситуацию. Как оказалось, вот эти оба, два командира тоже друг друга недолюбливали, у них тоже между собой были какие-то конфликты. И тогда командир, который обратил на меня внимание, повел меня к директору, ну и как бы попросил рассказать вообще, что случилось. И с того момента меня начали защищать. Постепенно-постепенно того командира, который меня унижал, уволили и тогда он даже на этом не остановился. Он устроился на лыжной базе, которая недалеко находится от нашего корпуса. И туда приходили наши ребята из кадетского корпуса. Он их и тогда настраивал против меня. Даже когда он уволился он все время, даже тогда говорил, чтобы они меня подстрекали, так скажем (муж., 16 лет, Казань).

Как видим, конфликт носил длительный характер, несколько лет, в нем были задействованы учащиеся и наставник. Агрессия выражалась в доведении респондента до состояния беспомощности и подавленности.

Из интервью:

...больше всего я боялся вот этого командира, потому что я понимал, что как бы он может мною воспользоваться, что он командир, а я подчиненный. То есть я ему должен подчиняться. И вот это вот самое обидное было. Что я ничего с этим поделать не мог, грубо говоря (муж., 16 лет, Казань).

Сам респондент рационально не мог объяснить причины таких поступков со стороны командира. Последний, в свою очередь, отказывался рационально довести свои претензии до курсанта.

В экспертном сообществе следующим образом объясняют поведение взрослых мобберов в учебном заведении:

Например, некоторые учителя пытаются оскорбить, называют разными недостойными выражениями, как правило разговаривают в приказном тоне, а то и на повышенных тонах, мстят за разговоры на уроках, за невыполнение домашнего задания, занижая оценки на уроке, за четверть, за год, и несправедливо относятся, придираются по разным причинам (жен., 40 лет, эксперт, Казань).

С другой стороны, моббинг – может быть проявлением группового защитного механизма в организационном контексте. Один из кейсов, описанных респондентом позволяет понять, что противопоставление личность-группа, когда именно личность дистанцируется от группы, ведет себя высокомерно и пренебрежительно к ритуалам и традициям микрогруппы вызывает конфликтное противостояние.

Из интервью:

Вот, и я, как бы, не нуждаюсь в их общении, потому что я пришла туда учиться, а не...потому что у меня и без этого достаточно друзей, которые намного ближе, и я ими больше дорожу, чем одноклассники, с которыми я расстанусь через два года и мы больше знать не будем друг друга и даже при встрече, наверное, не скажем друг другу «привет» (жен., 17 лет, Казань).

В данном случае, произошла иррационализация конфликта со стороны студенческой группы. Для респондента было придумано прозвище «мажорка», которое аргументировалось высоким достатком родителей респондента, в то же время большинство одноклассников остро нуждались в деньгах. Дополнительным связующим чувством для консолидации группы выступило по мнению респондента «зависть».

Из интервью:

...я пришла в шубе и ко мне, когда уже у нас закончились уроки, и мы начали спускаться, и далее одеваться, ко мне подошёл мой одноклассник, в принципе, пацан нормальный, мы именно с этим мальчиком хорошо контактируем, но не очень часто, как бы, если с ним заведётся разговор мы с ним хорошо разговариваем, и в этот момент он ко мне подошёл и сказал «вот, ты хочешь показать всей группе, кто тут деревня, а кто тут выше уровнем, тем самым унижить нас и показать, что мы тебя не достойны», на что я ответила, что это не так, потому что началась зима, мне холодно, а у меня нет ничего другого, чтобы носить, из-за этого приходится, как бы, ходить в шубе (жен., 17 лет, Казань).

Сам респондент определяет себя «жертвой», с чем сложно согласиться, так как она занимает успешно – достаточно агрессивную конфликтную позицию относительно группы. В данном случае у нее позиция «белой вороны», а не жертвы.

У части мобберов происходит замещение агрессии, когда они не имеют возможности выплеснуть злость и насилие на заведомо более слабого человека.

Из интервью:

Нет, бывало только желание бить какой-нибудь неодушевленный предмет, когда я хочу до кого-то докопаться (муж., 15 лет, Казань).

Интервью проводилось на улице и, рядом с этим местом порядка трёх-четырёх раз проходила одна и та же группа молодых людей возрастом двенадцать – пятнадцать лет, респондент обратил особое внимание на них, пристально наблюдал и негативно высказывался в их сторону: «чё за чмыри? Чё они здесь ходят?» и так далее.

Важное значение для последующей психологической помощи имеет ситуация, когда «агрессор» понимает, что уровень его конфликтности не позволяет ему социализироваться и вести спокойную жизнь.

Из интервью:

Я хочу перестать агрессивировать. Я очень часто захожу в агрессию, срываюсь на друзьях, на других людях. Конечно же, хотелось бы поменьше агрессии в своей жизни. Но это все связано с тем, что в детстве часто приходилось вступать в такие конфликты, где меня унижают (муж., 16 лет, Казань).

Итак, феномен моббинга в улично-школьном пространстве формируется и усиливается за счет двух факторов – это виктимизации поведения части подростков в силу их психологического склада характера и принятие, как социально оправданной нормы, другой части подростков инструментального насилия, как способа социализации и вхождения во «взрослый мир».

Социальная агрессия моббера проявляется в создании для другого человека непрерывного ощущения социальной беспомощности и незащищенности посредством негативного воздействия на его «публичный» социальный статус, а также психологического или физического насилия, дискредитации его по месту учебы, в семье, в уличном пространстве. Все это приводит «жертву» к социальной изоляции, тождественной состоянию социальной смерти.

В данном случае можно говорить о насилии ради самоутверждения – это компенсаторное насилие по Э. Фромму. Суть компенсаторного насилия в том, что оно заменяет бессильному индивиду (не способному к продуктивной деятельности) созидательную, творческую активность. Созидание требует свойств, которые отсутствуют у профессионального моббера. Он не может создавать и поэтому стремится разрушать, обесценивать других людей и за счет этого самоутверждаться и получать удовольствие.

Субъекты, у которых враждебность, мизантропия, желание издеваться над другими людьми являются личностной чертой,

изыскивают любые возможности, чтобы проявить ненависть, и испытывают удовлетворение от ее реализации.

Как правило, родители подростков – «жертв» не понимают истинных причин и глубины конфликтов своих детей в моббинг-ситуациях, пока ребенок не приходит домой с систематическими побоями, или не начинает жаловаться.

Самым важным является ранняя профилактика моббинга. Нужно уметь выявлять подростков мобберов, работать по устранению источников отрицательного влияния на детей. Нужно создавать условия, которые не провоцируют отклоняющееся поведение, а наоборот расширяют безопасное пространство для ребенка, где ему хорошо и интересно. Также в школах можно расширять внеурочную деятельность, в которой учитываются интересы детей разных возрастов, прежде всего подростков и сделать так, чтобы школа стала местом, где ребенок реально находит применение своим возможностям и инициативе. Кроме этого, в школе необходимо формировать социальную среду с четкими нормами межличностного общения, понятными и принимаемыми подростками правилами поведения, которые неукоснительно исполняются, поскольку без этого невозможно эффективное решение задач обучения и воспитания подрастающего поколения.

Заключение. Анализ полученных эмпирических материалов в ходе исследования подтверждает выводы, что подростки с ярко выраженным виктимным поведением подвергаются насилию как в уличном пространстве, в рамках хулиганских действий не всегда знакомых для них лиц, так и по месту учебы от своих одноклассников, одноклассников, старших или даже младших учащихся. Такое двойное давление приводит к ограничению общения вне дома и социальной изоляции. Вынужденное присутствие в школе или на улице становится мощным стресс фактором, происходит избегание мест, где возможна угроза применения психологического или физического насилия со стороны других лиц.

Для большинства подростков, которые адаптированы в улично-школьное пространство избегание статуса «жертвы», повышение своего статуса очень часто происходит через присоединение к «сильной» группе. Если данная группа практикует моббинг-сценарии, то происходит индуцирование таких подростков. Однако здесь подросток может столкнуться с ситуацией нарушения с его стороны каких либо

ритуалов, предписаний, правил поведения группы, проявления слабости перед лидером, что в свою очередь может привести его к изоляции и в дальнейшем к психологической или физической травле.

В тоже время, материалы глубинных интервью продемонстрировали, что подростки – «агрессоры» используют два вида насилия – это инструментальное с ярко выраженным рационально-корыстным интересом и иррациональное насилие для собственного самоутверждения за счет издевательств, глумления над заведомо слабым человеком.

К сожалению, моббинг-сценарии среди ряда подростков утвердились как приемлемая норма поведения. Поэтому в школе необходимо формировать социальную среду с четкими нормами межличностного общения, понятными и принимаемыми подростками правилами поведения, которые неукоснительно исполняются всему участникам коммуникаций.

Таким образом, можно рекомендовать следующий алгоритм действий относительно подростка – «агрессора»:

1) фиксация обстоятельств произошедшего (установление «агрессора» и свидетелей, тип агрессии, что необходимо для сохранения доказательств). Если это цифровое насилие, то фиксация цифрового следа конфликта. При физическом насилии правовая фиксация побоев «жертвы»;

2) оповещение директора учебного заведения, классного руководителя, куратора и т.д. о случившемся эксцессе;

3) оповещение родителей/опекунов субъекта насилия и жертвы, профилактическая беседа с ними об административных и уголовных последствиях для правонарушителя и его родителей;

4) анализ произошедшего с участием классного руководителя, педагогов, директора, родителей, сотрудников ПДН;

5) обеспечение психолого-педагогической помощи пострадавшему ученику, а позднее регулярное наблюдение его состояния.

6) при систематическом насилии со стороны мобберов относительно жертвы, стараться осуществить передачу доказательственной базы правонарушения в органы правопорядка администрацией учебного заведения или родителями.

В связи с этим видится необходимым:

– помочь школьникам и учащимся колледжей узнать свои права и научиться ими пользоваться, защищать их в случае нарушения;

– помочь подросткам увидеть взаимосвязь личной свободы и ответственности каждого человека;

– также помочь школьникам научиться разрешать споры правовыми способами, а не дракой, оскорблениями и унижениями.

Литература:

1. Кривцова С.В. Школьный буллинг: прояснение понятий / С.В. Кривцова, А.Н. Шапкина, М.П. Малыгина // Вопросы психологии. – 2019. – № 3. – С. 17-28.
2. Heinemann P.P. Mobbing, Oslo: Gyldendal. Herbert, G. / A whole curriculum approach to bullying // Stoke-on-Trent: Trentham Books. – 1973. – 170 p.
3. Олвеус Дан. Буллинг в школе: что мы знаем и что мы можем сделать? / Дан Олвеус. – М., 1993. – 420 с.
4. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм. – М.: АСТ. – 2004. – С. 126.
5. Выготский Л.С. Педагогическая психология; под ред. В.В. Давыдова. – М., 1991. – 536 с.
6. Кон И. Что такое буллинг и как с ним бороться / И. Кон // Семья и школа. – 2006. – № 11. – С. 15-18.

7. Кравцова М.М. Дети-изгои / М.М. Кравцова // Психологическая работа с проблемой. – 2005. – 112 с.
8. Зиновьева Н.О., Михайлова Н.Ф. Психология и психотерапия насилия / Н.О. Зиновьева, Н.Ф. Михайлова // Ребенок в кризисной ситуации. – СПб.: Речь, 2003. – 248 с.
9. Ильин Е.П. Психология агрессивного поведения / Е.П. Ильин. – СПб.: Питер, 2014. – 368 с.
10. Гребенкин Е.В. Профилактика агрессии и насилия в школе / Е.В. Гребенкин. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2006. – 160 с.
11. Можгинский Ю.Б. Подходы к анализу тяжелых форм анти-социального поведения в детском и подростковом возрасте / Ю.Б. Можгинский // Юридическая психология. – 2009. – № 1. – С. 11.

References:

1. Krivtsova S.V. School bullying: clarification of concepts / S.V. Krivtsova, A.N. Shapkina, M.P. Malygina // Questions of psychology. – 2019. – № 3. – Pp. 17-28.
2. Heinemann P.P. Mobbing, Oslo: Gyldendal. Herbert, G. / A whole curriculum approach to bullying // Stoke-on-Trent: Trentham Books. – 1973. – 170 p.
3. Olveus Dan. Bullying at school: what do we know and what can we do? / Dan Olveus. – M., 1993. – 420 p.
4. Fromm E. Anatomy of human destructiveness / E. Fromm. – M.: AST. – 2004. – P. 126.
5. Vygotsky L.S. Pedagogical psychology; edited by V.V. Davydov. – M., 1991. – 536 p.
6. Con I. What is bullying and how to deal with it / I. Kon // Family and school. – 2006. – № 11. – Pp. 15-18.

7. Kravtsova M.M. Rogue children / M.M. Kravtsova // Psychological work with a problem. – 2005. – 112 p.
8. Zinovieva N.O., Mikhailova N.F. Psychology and psychotherapy of violence / N.O. Zinovieva, N.F. Mikhailova // A child in a crisis situation. – St. Petersburg: Speech, 2003. – 248 p.
9. Ilyin E.P. Psychology of aggressive behavior / E.P. Ilyin. – St. Petersburg: Peter, 2014. – 368 p.
10. Grebenkin E.V. Prevention of aggression and violence at school / E.V. Grebenkin. – Rostov-on-Don: Phoenix, 2006. – 160 p.
11. Mozhginsky Yu.B. Approaches to the analysis of severe forms of anti-social behavior in childhood and adolescence / Yu.B. Mozhginsky // Legal psychology. – 2009. – № 1. – P. 11.

5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы

Сведения об авторах:

Иванов Андрей Валерьевич (г. Казань, Россия), кандидат исторических наук, доцент кафедры конфликтологии Казанского (Приволжского) федерального университета, e-mail: Berserk2004@yandex.ru

Чумаков Дмитрий Валентинович (г. Казань, Россия), младший научный сотрудник, заместитель директора ФГБНУ «Институт педагогики, психологии и социальных проблем», e-mail: info@ippisp.ru